

[https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6\(1\)-104-112](https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6(1)-104-112)

Неопределённость как ресурс: новгородские нарративы о Рюрике и Марфе-посаднице

А. А. Бландов

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия
vap_87@inbox.ru

Э. Л. Гептинг

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
froggg2000@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

места памяти
Рюрик
Марфа-посадница
мифотворчество
предания
Великий Новгород
Старая Ладога
Шум-гора
Млёво

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию механизмов мифотворчества, происходящего на протяжении последних двух столетий вокруг двух ключевых фигур новгородской истории – легендарного князя Рюрика и оппозиционной деятельницы Марфы-посадницы. На материале собранных полевых данных, краеведческой и публицистической литературы авторы реконструируют процессы «вторичной семиотизации» нескольких значимых объектов в Новгородской, Ленинградской и Тверской областях. Авторы показывают, как историческая неопределённость и скудость источников порождают компенсаторную нарративизацию: фантомные могилы Рюрика и Марфы-посадницы становятся «местами памяти», позволяющими локальным сообществам вписать свою малую родину в контекст большой истории. Особое внимание уделяется случаям «Олеговой могилы», Шум-горы и с. Млёво, где мифологические нарративы, возникшие в научной или публицистической среде, были адаптированы народной традицией и превратились в инструмент повышения символического капитала территории.

Для цитирования:

Бландов, А. А., & Гептинг, Э. Л. (2026). Неопределённость как ресурс: новгородские нарративы о Рюрике и Марфе-посаднице. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 6(1), 104–112. [https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6\(1\)-104-112](https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6(1)-104-112)

Финансирование:

Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бландов А. А., Гептинг, Э. Л., 2026

Uncertainty as a resource: Novgorod narratives about Rurik and Martha the Mayoress

Aleksei Blandov

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia
vap_87@inbox.ru

Elvira Gepting

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
froggg2000@mail.ru

KEYWORDS

site of memory
Rurik
Martha the Mayoress
myth making
Veliky Novgorod
Staraya Ladoga
Shum-gora
Mlyovo

ABSTRACT

The article is devoted to the investigation of the mechanisms of myth-making that have been taking place over the past two centuries around two key figures of Novgorod history – the legendary Prince Rurik and the oppositionist Martha the Mayoress. Based on the field data, local history literature and other publications, the authors reconstruct the processes of “secondary semioticisation” of several significant objects in the Novgorod, Leningrad, and Tver regions. The authors show how historical uncertainty and scarcity of sources generate compensatory narrativisation: the phantom graves of Rurik and Martha become “memory spaces” that allow local communities to place their homeland in the context of “large history”. Special attention is paid to the cases of the Grave of Oleg, Shum-Gora, and the village of Mlyovo, where mythological narratives that originated in academic and journalistic circles were adapted by the folk tradition.

For citation:

Blandov, A. A., & Gepting, E. L. (2026). Uncertainty as a resource: Novgorod narratives about Rurik and Martha the Mayoress. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 6(1), 104–112. [https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6\(1\)-104-112](https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6(1)-104-112)

Funding:

The research had no sponsorship (own resources).

Conflict of interests:

The authors declare no conflict of interests.

Введение

Когда исторические источники скупы и противоречивы, непрерывно рождаются и оказываются очень востребованными многочисленными научными и псевдонаучными гипотезы. Такие интеллектуальные брожения уже не одно столетие происходят вокруг двух ключевых фигур новгородской истории — легендарного князя Рюрика и оппозиционной деятельницы Марфы-посадницы.

В данной статье мы попробуем реконструировать механизмы мифотворчества, связанного с двумя этими именами, и покажем, как историческая неопределённость порой конвертируется в социально значимый ресурс. Основываясь на концепции “бриколажа” К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 2008) и теории мифа Р. Барта (Барт, 2008), под мифотворчеством мы будем понимать не ложное знание, а процесс семиотического достраивания прошлого для удовлетворения настоящих потребностей сообщества.

Источниковой базой исследования послужили полевые материалы, собранные авторами на территории Новгородской, Ленинградской и Тверской областей в 2015–2022 гг., а также краеведческая и публицистическая литература.

“Золотой гроб Рюрика”

По древнерусским летописям мы знаем Рюрика как предводителя варягов, призванного из-за моря на Русские земли в 862 г. И хотя Рюрик — фигура несомненно легендарная, в литературе по-прежнему продолжают серьёзные споры о том, откуда и в какой именно русский город он прибыл, при каких обстоятельствах умер и где похоронен.

Мы не будем пытаться дать ответы на эти неразрешимые вопросы, а обратим внимание на другой, как нам кажется, не менее интересный аспект. Зародившись в научной или околонучной среде, такого рода споры порождают тексты, которые при определённых обстоятельствах могут проникнуть в фольклорную традицию.

Например, на Северо-Западе России довольно широко распространены сказания о Рюрике, похороненном в золотом гробу (Традиционный фольклор, 2001, с. 435). Скорее всего, эти предания возникли довольно поздно: быть может, лишь в XIX в. А. А. Селин, например, связывает их появление с установкой памятника тысячелетию России в Новгороде и освещением этого события в тогдашней прессе (Селин, 2016, с. 94). Возможно, открытие в 1862 г. монумента, где фигура Рюрика занимала центральное место, стало тем мощным катализатором, который разбудил интерес жителей Северо-Запада к этой легендарной личности.

Впрочем, в Старой Ладоге крепость именовали Рюриковым замком даже раньше, в первой половине XIX столетия (Бландов, 2016, с. 74). Примерно тогда же в публицистической, краеведческой и научной литературе за древним городищем в окрестностях Новгорода закрепилось наименование Рюрикова городища (Янин & Алешковский, 1971, с. 35).

Как бы то ни было, предания о князе, которые сегодня фиксируются на Северо-Западе России, — это не архаичный пласт народной памяти, а фольклорный отклик на публицистику и другую популярную литературу. Имя Рюрика могло появиться в устных рассказах новгородских крестьян благодаря деятельности школьных учителей, краеведов, а также археологов, которые начали проводить масштабные археологические раскопки в регионе в первой половине XX в.

Остановимся на некоторых текстах подробнее:

«И после войны уже ходили, вот Рюрика в золотом гробу искали, вот искали его, — рассказывала жительница Батецкого района. — Где зарыт? Вот на каких-то сопках между Новгородом и Лугой и вот где-то здесь в наших районах. <...> И наши деды, прадеды рассказывали, и папа... Но како место, никто не знает, похоронен. Что он похороненный в золотом гробу, золотые сапоги, с золотой саблей; весь, вот это, в каске золотой. Вощем, весь гроб из золота. Все из золота. <...> Вот называли Рюрик, а кто такой Рюрик? Какой-то был как вояка, какой-то был главный» (Традиционный фольклор, 2001, с. 221).

Как мы видим, рассказы о Рюрике успешно адаптируют традиционные фольклорные мотивы (погребение царя в золотом гробу и с золотой саблей) или сами встраиваются в бытующие в той или иной местности сюжеты. При этом имя князя порой не имеет значения. Это может быть и Рюрик, и Олег, и Александр Невский (Бландов, 2017, с. 19). В этом отношении очень показательны тексты, фиксируемые сегодня в окрестностях Старой Ладogi.

Могилы Рюрика и Олега в Старой Ладoge

В XX в. одну из староладожских сопok в научной и краеведческой литературе стали безосновательно называть могилой Олега Вещего (Панченко и др., 1999, с. 82–91). Долгое время жители окрестных деревень ничего об этом не знали, и никаких преданий об Олеговой могиле в Старой Ладoge не фиксировалось. Однако активная деятельность краеведов, музейных работников, экскурсоводов и СМИ не осталась незамеченной, в результате чего появились тексты, записанные нами в ходе полевых исследований:

«А Сопки — вот они, вдоль берега. Считают, что там могила этого Олега, говорят, что Олегова могила называется»¹.

«Дальше идите и увидите Сопки. По асфальту пойдете, по дороге и увидите — там одна вот сопка, потом дальше еще сопки. Ну там всё говорили, что Олег мол похоронен. Его там якобы кони похоронены. В общем, всякая ерунда, мы не верим, наверное. Я не верю»².

«Сопки — это Олег там со своей Ольгой сидели, там между сопками гуляли, ну как, отдыхали там, накрыты столы были им. В одной из сопok — ну сейчас уже всё, наверное, совсем заросло — была дырка. Ну мы же любопытные, в школу же в Старую Ладogu ходили, и у нас один мальчик туда опустился. Под сопку были ходы»³.

Примечательно, что наряду с Олегом в рассказах о староладожских сопках фигурируют и другие исторические персонажи:

«Сопки — это там, я тоже слышала, что там похоронен Юрий Долгорукий»⁴.

«Там, говорят, похоронен кто-то в этих Сопках. Вот Рюрик, Рюрик это там вот, говорят, похоронен, там или где он похоронен, я не знаю, где-то похоронен»⁵.

¹ Полевые материалы А. А. Бландова (далее – ПМА). Ленинградская обл., Волховский р-н, с. Старая Ладoga, 2015 г.

² ПМА. Ленинградская обл., Волховский р-н, с. Старая Ладoga, 2016 г.

³ ПМА. Ленинградская обл., Волховский р-н, д. Трусово, 2021 г.

⁴ ПМА. Ленинградская обл., Волховский р-н, с. Старая Ладoga, 2015 г.

⁵ ПМА. Ленинградская обл., Волховский р-н, д. Мякинкино, 2015 г.

“Сопки — курган такой и есть. Там Рюрик похоронен в Сопках. Раньше мы маленькие были, всё туда яйца ходили катать на Пасху. Заберемся наверх — сейчас она меньше стала, она куда-то девалась, наверное”⁶.

Предполагаем, что из всех названных информантами князей Рюрик появился в локальной устной традиции раньше всего. Слухи о похороненном в той или иной сопке князе бытовали в Нижнем Поволховье с XIX в. Например, в 1913 г. в местной газете сообщалось:

“19 мая археолог г. Репников будет с комиссией производить раскопки курганов около крепости Старой Ладogi и в имени предводителя дворянства г. Шварца. В этих курганах предполагают найти гроб Рюрика. Если будет найден гроб Рюрика, то это будет величайшее археологическое открытие не только для всей России, но и для всего света”⁷.

Шум-гора

Пожалуй, самой известной на Северо-Западе России “могилой Рюрика” является т. н. Шум-гора — внушительных размеров курганная насыпь, расположенная на левом берегу реки Луги в Батецком районе Новгородской области (Платонова и др., 2007, с. 146). В XIX в. никаких текстов о Рюрике применительно к этому объекту не фиксировалось (Быстров, 1879, с. 381–410; Муравьев, 1896, с. 59–62). Возможно, они появились в XX столетии и стали широко известными в окрестных деревнях только в недавнее время (Короткевич & Платонов, 2010, с. 79–96). Можно предположить, что не последнюю роль в популяризации версии о погребении Рюрика на берегах Луги сыграли местные краеведы братья С. С. и М. С. Алексашины.

Процитируем два записанных нами в той местности предания:

“Где-то там, говорят, Рюрик похоронен. Были у нас несколько лет подряд там гуляния. Приезжали, не знаю, там с Москвы, из-за границы, говорят, что просвечивали ее. Вообще, как сказали, что вот где Подгорье, вот церквушка старенькая стоит, что там изначально хотели строить Великий Новгород. Ну опять же не знаю. Говорят, что вот за Подгорьем, на речке там такие остатки есть, где-то в том районе якобы нашли лодку викингов. И еще одно, это я уже сам могу сказать, мы там хоронили родственника как раз на кладбище. Ну и наткнулись на черепа. Много черепов, но черепа очень большие. Ну вот, скорее всего, что это кто-то из викингов. Может, было какое-то захоронение”⁸.

«Это сопки, там Рюрик похоронен, да, Долгорукий, основатель вообще Новгородский губернии. Знаете, что ФСБ за ними смотрят? Там миллионеры ваши питерские, у них там дачи отстроены. И они наблюдают. То есть, если ты, допустим, метров пять-семь нарушишь территорию, ты будешь арестован. Сразу, да. Охранная зона восемьсот метров. Смотрите сами, хотите — идите. Там золото раньше копали, и нашли, да»⁹.

Приведенные слова местных жителей являются примерами “вторичной семиотизации”: грандиозная сопка не может быть просто холмом и даже просто могилой князя, ее значимость дополняется секретностью.

⁶ ПМА. Ленинградская обл., Волховский р-н, д. Ивановский Остров, 2016 г.

⁷ [Без автора.] Раскопки // Озерной край. 1913. № 24.

⁸ ПМА. Новгородская обл., Батецкий р-н, д. Подберезье, 2018 г.

⁹ ПМА. Новгородская обл., Батецкий р-н, д. Заполье, 2018 г.

Марфа-посадница

Обратимся теперь к случаю Марфы-посадницы. С легкой руки Н. М. Карамзина эта женщина стала одним из самых известных персонажей новгородской истории. Не случайно с её именем стали связывать различные объекты в Великом Новгороде.

Всё началось с того, что неизвестную каменную руину на Торговой стороне города окрестили одним из домов Марфы. А поскольку, согласно историческим источникам, её палаты находились на противоположном берегу Волхова, появились предположения, что Марфа была владелицей сразу двух домов, между которыми, конечно, должен быть подземный ход. Подтверждением легенды стал неожиданно образовавшийся в 1925 г. провал земли во дворе дома на улице Рогатица, в котором обнаружили старинные сводчатые камеры, заваленные мусором. Естественно, начали говорить о том, что найден тот самый тоннель, который соединяет два дома боярыни (Секретарь, 1999, с. 237–239).

Можно ли считать эту легенду фольклором — отдельный исследовательский вопрос. Но даже если она зародилась в публицистической литературе, через газетные и журнальные статьи она вполне могла стать достоянием широкой общественности и бытовать в устной форме.

Источники не сохранили достоверных сведений об обстоятельствах и месте смерти Марфы-посадницы. По одной из версий, пересказываемой в современной литературе, Марфа была сослана в Нижегородский монастырь, откуда сбежала. Пробираясь в родной Новгород, она якобы заболела и умерла в селе Млёве на Мсте (Иванов, 2009, с. 104). Этот небольшой населенный пункт в Тверской земле возник в истории о новгородской боярыне не случайно. Дело в том, что в XIX в. на млёвском кладбище при рытье могилы была обнаружена старая надгробная плита с загадочной эпитафией некоей Марфе (Иванов, 2009, с. 102).

В 1906 г. Млёво посетил Н. К. Рерих и, то ли на основе народных преданий, то ли собственной фантазии, написал очерк «Марфа Посадница». По мнению Рериха, Марфа тайно прожила в млёвском монастыре 14 лет, скончалась там же и со временем стала почитаться как святая. Когда сложился её культ — неизвестно. Рерих утверждал, что священнослужители вели записи о помощи новгородской посадницы людям: «В старую книгу при млёвской церкви иереи вписали длинный ряд чудес». По мнению Рериха, Марфа помогала только своим, новгородцам: «С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние её туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведёт новгородцев ко млёвской могиле» (Рерих, 1991, с. 194).

Полевые исследования, предпринятые нами в 2022 г., показали, что могила действительно почитается:

«Вот это у нас могила, на каждом кладбище есть могила Марфы-посадницы, слышал такое? На каждом есть, но у нас самая настоящая. Когда она с купцами плыла, здесь же плыли вот купцы, тут торговали у нас купцы. И она, короче, здесь умерла, вот ее настоящая могила. Знаешь, сколько приезжают сюда к ней на эту могилу? И лечатся все. На самом деле помогает! <...> Я, например, со спиной легла, мужик у меня со спиной лег, вылечил якобы, сказал»¹⁰.

¹⁰ ПМА. Тверская обл., Удомельский р-н, д. Манихино, 2022 г.

“А это Марфы-посадницы могила, говорят, что настоящая, потому что ведь легенда существует, что у нее не одно место было, где-то еще было у нее захоронение. Ну раньше, как бы легенда такая местная существует, что здесь проходила граница Новгородской земли, и вот эти вот холмы, вот которые за кладбищем, вот около Манихино — это вот как раз сторожевые холмы, которые по границе земли шли”¹¹.

Находка плиты в Млёве — классический пример случайного совпадения: имя, прочитанное на надгробии, кто-то связал со знаменитой посадницей. Но ключевой “антропологический поворот” совершил уже Рерих. Его очерк — это аутопоэтический текст (Maturana & Varela, 1980), который и запустил миф.

Заключение

Оба рассмотренных нами кейса объединяет механизм своего рода компенсаторной нарративизации или мифологического бриколажа, когда при нехватке фактов сознание “собирает” исторический миф из ограниченного набора доступных символических обломков (Леви-Стросс, 2008, с. 168). Продуктами такого бриколажа стали фантомные могилы Рюрика и Марфы, функционирующие сегодня как «места памяти» в том смысле, который вкладывал в термин Пьер Нора. Даже если события, связанные с историческими персонажами, происходили в другом месте или не происходили вовсе, вера сообщества делает их реальными по последствиям (Нора, 1999, с. 48–49).

Однако эти места памяти никогда не нейтральны. Конкуренция за статус «настоящей» могилы выступает способом повышения символического капитала локального сообщества. За этой конкуренцией стоит потребность людей поместить свою малую родину внутрь большой истории.

В этом смысле вопросы “куда пришел Рюрик?” и “где могила Марфы?” не так важны, как вопрос «почему в это верят?». Верят, чтобы преодолеть “пустоту” пространства, образовавшуюся в связи с постепенной утратой традиционных механизмов объяснения и осмысления действительности. Нарративы о золотом гробе Рюрика и исцеляющей могиле Марфы превращают малую родину в центр событий общенационального масштаба.

Библиография

- Барт, Р. (2008). *Мифологии*. Академический Проект.
- Бландов, А. А. (2016). “Там, говорят, похоронен кто-то в этих сопках...”: предания о погребении князя Рюрика и Олега в Старой Ладогe. *Петербургские исследования*, 6, 71–78.
- Бландов, А. А. (2017) «Золотой гроб Рюрика», «избушка Александра Невского» и «Олегова сопка»: сфальсифицированные предания в устной традиции. В *Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: сборник тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции* (с. 18–20). РГГУ.
- Быстров, М. (1879). Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда С.-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности). *Известия Императорского Русского археологического общества*, 9(4), 381–410.
- Иванов, М. А. (2009). *Рерихи и Тверской край*. Издательство ГЕРС.

¹¹ ПМА. Тверская обл., Удомельский р-н, д. Залучье, 2022 г.

- Короткевич, Б. С., & Платонов, Е. В. (2010). Комплексные археолого-этнографические исследования в окрестностях древнего Передольского погоста. *Культурное наследие Российского государства*, 5(1), 79–96.
- Леви-Стросс, К. (2008). *Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль*. Академический проект.
- Муравьев, М. (1896). О курганах и древних могильниках, находящихся по берегу р. Луги. *Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом*, 4(1), 59–62.
- Нора, П. (1999). *Франция-память*. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Панченко, А. А., Петров, Н. И., & Селин, А. А. (1999). “Дружина пирует у берега”. На границе научного и мифологического мировоззрения. *Русский фольклор*, 30, 82–91.
- Платонова, Н. И., Жеглова, Т. А., & Лесман, Ю. М. (2007). Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте. В *Северная Русь и народы Балтики* (сс. 142–194). Дмитрий Буланин.
- Рерих, Н. К. (1991). *Глаз добрый*. Художественная литература.
- Секретарь, Л. А. (1999). *Дома, события, люди. (Новгород. XVIII–начало XX вв.)*. Кириллица.
- Селин, А. А. (2016). Образ Рюрика в современном пространстве Северо-Запада России. *Историческая экспертиза*, 4, 89–108.
- Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 г.)*. (2001). Алетейя.
- Янин, В. Л., & Алешковский, М. Х. (1971). Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). *История СССР*, 2, 32–61.
- Maturana, H., & Varela, F. (1980). *Autopoiesis and cognition: the realization of the living*. D. Reidel Publishing Company.

References

- Barthes, R. (2008). *Mythologies*. Academic Project. (In Russian).
- Blandov, A. A. (2016). “They say someone is buried in these hills...”: Legends about the Burial of Prince Rurik and Prince Oleg in Staraya Ladoga. *Petersburg Studies*, 6, 71–78. (In Russian).
- Blandov, A. A. (2017). “Golden Coffin of Rurik”, “Hut of Alexander Nevsky” and “Hill of Oleg”: falsified legends in the oral tradition. In *Falsifications and Errors in Folklore Studies and Cultural Anthropology: Collection of Abstracts and Materials of the XVII International School-Conference* (pp. 18–20). RSUH Publ. (In Russian).
- Bystrov, M. (1879). Remnants of antiquity near the Peredolsky pogost in the Luga district of the St. Petersburg province (description of the mounds and cemeteries in the area). *Izvestiya of the Imperial Russian Archaeological Society*, 9(4), 381–410. (In Russian).
- Ivanov, M. A. (2009). *The Roerichs and the Tver Region*. GERS Publ. (In Russian).
- Korotkevich, B. S., & Platonov, E. V. (2010). Comprehensive archaeological and ethnographic research in the vicinity of the ancient Peredolsky Pogost. *Cultural Heritage of the Russian State*, 5(1), 79–96. (In Russian).
- Lévi-Strauss, C. (2008). *Totemism today. Untamed thought*. Academic Project. (In Russian).
- Maturana, H., & Varela, F. (1980). *Autopoiesis and cognition: the realization of the living*. D. Reidel Publishing Company.
- Muravyov, M. (1896). On the mounds and ancient cemeteries located on the bank of the Luga river. *Archaeological News and Notes Published by the Imperial Moscow Archaeological Society*, 4(1), 59–62. (In Russian).

- Nora, P. (1999). *France-Memory*. St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Panchenko, A. A., Petrov, N. I., & Selin, A. A. (1999). “Druzhina feasts on the shore”: on the border of the scientific and mythological worldviews. *Russian Folklore*, 30, 82–91. (In Russian).
- Platonova, N. I., Zheglova, T. A., & Lesman, Yu. M. (2007). Russian proto-urban center on Peredolsky pogost. In *Northern Russia and the Baltic Peoples* (pp. 142–194). Dmitry Bulanin Publ. (In Russian).
- Roerich, N. K. (1991). *The kind eye*. Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Secretar, L. A. (1999). *Houses, events, people. (Novgorod. 18th–early 20th centuries)*. Kiril-litsa. (In Russian).
- Selin, A. A. (2016). The image of Rurik in the modern space of North-West Russia. *Historical Expertise*, 4, 89–108. (In Russian).
- Traditional Folklore of the Novgorod Region: Fairy Tales. Legends. Historical Tales. Bylichkas. Zagovors (recorded in 1963–1999)*. (2001). Aleteia. (In Russian).
- Yanin, V. L., & Aleshkovsky, M. Kh. (1971). The origin of Novgorod (on the problem). *History of the USSR*, 2, 32–61. (In Russian).

Информация об авторах

Алексей Александрович Бландов
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук
Российская Федерация, 185910,
г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
ORCID: 0000-0003-1473-0314
e-mail: vap_87@inbox.ru

Эльвира Львовна Гептинг
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
кафедры культурологии
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий
Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: 0000-0001-7210-6726
e-mail: froggg2000@mail.ru

Вклад авторов

А. А. Бландов – концептуализация, проведение исследования, создание рукописи и её редактирование.

Э. Л. Гептинг – концептуализация, методология, создание черновика рукописи, создание рукописи и её редактирование.

Authors' contributions

Aleksei A. Blandov – conceptualization, investigation, writing (review & editing).

Elvira L. Gepting – conceptualization, methodology, writing (original draft), writing (review & editing).

Information about the authors

Aleksei A. Blandov
Cand. Sci. (Historical Sciences),
Senior Research Fellow
Institute of Linguistics, Literature and History
of Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1473-0314
e-mail: vap_87@inbox.ru

Elvira L. Gepting
Cand. Sci. (Philology),
Leading Research Fellow
of the Cultural Studies Department
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7210-6726
e-mail: froggg2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 19.05.2026
Принят к публикации / Accepted 15.06.2026